

Смеющийся

Как виноградный сок в вине,
Все мои зимы, мои лета,
Все мои возрасты во мне,
Вплоть до младенческого лепета.

Судьба, заканчивая, лепит
Меня. И я ее леплю?
Эпоха лечит и калечит.
Вот, трижды повторив дабл-ю,

Я набираю символ века.
Знакомьтесь: век, за вехой веха.
Я в нем с начала до конца.
И кто-то, не видать лица,
Глядит в меня, трясась от смеха.
Творец? Антагонист Творца?

На пороге

Убыстряется время. Сгущается воздух тревоги.
Все свирепее бури. И землю, и море трясет,
И все больше похоже на то, что мы все на пороге...
Что осталось от нами достигнутых глубей, высот?

Черной тушею туча над всем мирозданием нависла.
Все слышней некий гул, потрясения грядущего шум.
И громаду всеобщего, грузного, грозного смысла
Прозревает вконец растерявшийся численный ум.

О наш разум, кичливый, победный и бедный,
Обещавший объять и вместить в себя звезды, миры...
Обаяние гибели. Зов и зияние бездны.
Притяжение властное черной-пречерной дыры.

Друг мой, ты перед тем, как сирена последняя взвоят,
Соберись. Помолчи. На дорожку присядь и замри.
Если веруешь в Бога, то вас перед гибелью двое.
Если в Бога не веруешь, кто же там плачет внутри?

Флаг над сельсоветом

И ветер, как савраску плетъ,
Нахлестывал холмы и доли.
Угрюмый хакер харкал в Сеть,
Рассеивая вирус. Голы
Деревья были и кусты,
Ночные небеса пусты,
А флаг над сельсоветом реющ.
Желанья наши так просты:
Чуть-чуть любви и красоты,
Немного хлеба, много зрелищ.

Согрей мне душу

Весенних красок пение, кипение.
Весна, ты хороша до опупения!

Оравы птиц — не худшая компания.
Мой друг весна, ты враг самокопания.

Весна, апофеоз самозабвения,
И зори твои точно озарения.

Цвети, дури, пьяни, кружи нам головы,
Одень полсвета, лишь недавно голого,
В сплошную зелень, в синеву бездонную.

Согрей мне душу старую, бездомную.

В Космос. Маме

Ах ты, песенка колыбельная,
Точно палуба корабельная,
Ты качаешь меня и качаешься,
Весь мой век звучишь, не кончаешься.

*Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю...*

Ах ты, песенка колыбельная,
Небогатая, даже бедная,
Как синички-птички пиликанье.
Не так пение, как мурлыканье,

Еле слышное, полусонное,
Больше грустное, чем веселое,
Полутемное, полусветлое.

Глубина его несусветная.

Лампа Аладдина

Я помню пока еще землю,
Какой она в детстве была,
И воздух тот — ведьмино зелье,
Сгоравшее в легких догла.

Нечаянный проблеск таланта
В осколке любом бытия.
Моя аладдинова лампа,
Немертвая память моя.

Шелк неба, и прочный, и тонкий, —
Еще довоенный товар.
Застыл, как в смоле допотопной,
Еще довоенный комар.

Лишь лампу потрешь Аладдина,
Вернутся надежда и боль,
И мир, что весенняя льдина,
Ворочается под тобой.

Богатство

Ото всего пуститься бы в бега,
Бежать, сбежать, как псих из-под опеки.
В последний раз я истинно богат
Был в детстве, не имея ни копейки.

Была война. И все мы — в ней, в войне.
И голод был не только в Ленинграде.
Так отчего, скажите бога ради,
Такое солнце бьет оттуда мне?

Громада предстоящих дней и лет
Выглядывала смутно из тумана.
И звезды с неба падали, как манна,
Все обещало радость без обмана.
И знала даже смерть, что смерти нет.

Огонек

Природа не успела оклематься,
А люди отдышались, стар и мал.
Я был певун. Я изредка ломался,
Но мамин подзатыльник вразумлял.

А что ж я пел, подтягивая лямки
Штанов, великоватых мне пока?
Да что-то вроде «Разина», «Землянки»,
«Рябины» и, конечно, «Огонька»:

*На позиции девушка
Провожала бойца.
Темной ночью простилися
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке у девушки
Все горел огонек...*

И голос мой звенел и поднимался,
И замирал, и снова ввысь летел.
Я соблюдал все нужные нюансы.
Я был артист! Я с выраженьем пел!

Стихали шум и разговоры в доме,
И становились лица далеки.
И всхлипывали гости наши, вдовы,
Мрачнели инвалиды, мужики.

И сам хозяин вдруг, на середине,
Рукой махал и самогону нес.
А я, дурак, в мальчишеской гордыне
Считал, что я растрогал их до слез.

Розамунда

Упаду в наше после войны (понарошку).
В этой первой холодной, голодной строфе
Наводнили Россию губные гармошки,
Самый громкий, пожалуй, военный трофей.

И с гармошкой губной перейду во вторую.
Не скупятся кукушки, ку-ку да ку-ку.
Я, несытый, картошку в колхозе ворую,
В зубы взявши гармошку, картошку пеку.
А у мамы дареное платье в горошек,
У нее похоронка и друг-инвалид,
И куда ты уйдешь от немецких гармошек,
Веселящихся всюду по-русски, навзрыд.

Весь российский простор заучил «Розамунду»,
Допекался народ, как картошка в золе.
А наш общий товарищ, великий и мудрый,
Днем и ночью посасывал трубку в Кремле.

С цитатой из Блока

Щечки розовой малышки,
Грудь немислимой красы.
Накрахмалены манишки
И нафабрены усы.

Фраки, юбки, кринолины.
Лезет вор через забор.
За разбитым пианино
Надрывается тапер.

Кто-то, кофе наливая,
Подсыпает в чашку яд.
Героиня роковая
Устремляет в залу взгляд.

О бескрайние блаженства!
Безутешности потерь.
Царство дерганого жеста,
Подзабытого теперь.

Все так медленно, так быстро.
А гризеточка мила!
(«Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла».)

Жертва ржавчины и моли.
Слез засохших полкило.

Радость прадедов — немое,
Черно-белое кино.

Вий

— Ах (с кокетством), не лукавьте!
— Ваша светлость!
— Ваша милость!
Как же так? Какому Кафке
Все дальнейшее приснилось?

Век железный серебрился.
Шикельгрубер юный брился,
Действуя опасной бритвой.

Мир, застывший перед битвой,
Точно кролик пред удавом.
Предисловье к вечным славам.
.....

Эти вечные увечья,
Кровь густая человечья.
.....

Поднимите веку веки!
Глянет век из-под бровей
И оледенит навеки,
Как полярный суховей.

Джихад

Все так же шар земной брюхат
Бедой, сокрытой до поры,
И продолжают свой джихад
Самоубийцы-комары.

Они так тоненько звенят,
Срываясь в смертное пике.
Хлопок ладони. Трупик смят.

В надзвездной выси, вдалеке
Восплачет ангела труба,
Жалея божия раба...

Утопающий хватается за

На обочине реки
Травят байки старики.
Складно врут, нескладно врут.
Быстры воды, берег крут.
Их, стоглазы и сторуки,
Состоя из синих вен,
Издаля пасут старухи
Из-за стекол, из-за стен.

Невзирая на подруг,
Смотрят зорко из-под рук.

Очи старых — точно лазеры.
Хвастуны, задиры, лузеры
Держатся за эти лучики,
За соломинки колючие.

Как при Нероне

Твой сад закатом позлащен.
Не Богом, так тобой прощен
Очередной твой глупый промах.
И кофе твой переслащен
Неслабой сладостью черемух.

Забыты напрочь холода,
А были, помнишь, так свирепы!
Играет птичка на свирели,
Как при Нероне. Как всегда.

Пульс

Да, понимаю, жизнь — не ах,
В часах песочек сыплется.
На матерьяльных бы благáх
Случайно не зациклиться.

На шее бьется жилка — пульс,
Какая-то артерия.
Брильянтов нету? Ну и пусть,
Сгодится бижутерия.

Не в барахле, не в кошельке
Надежда и спасение,
А в том, как дышит вдалеке
Лицо твое весеннее.

Я и птицы

Грустим с округой на паях.
Что осень вновь наворожила?
Печать печали на полях.
С высокомерьем старожила
Ворона ходит по стрехе,
Все по-хозяйски проверяя.
И, по привычке привирая,
Слова знакомятся в строке
Друг с другом.
Сыростью осенней
Немного тянет от земли.
И небесам поют осанну
Нестройным хором журавли.

Дверь

Прости меня, Боже. То верю в тебя, то не верю
В сознание своей так и так неизбывной вины.
Не адских терзаний страшусь. Только запертой двери,
Боюсь только двери, что заперта с той стороны.

Твои — не твои, но дары этой жизни несметны,
И музыку сфер я читаю прилежно с листа,
И, жизнь принимая, боюсь я, о Боже, не смерти,
А двери все той же, что с той стороны заперта.

Я знаю, без веры в тебя человек безоружен.
Помилуй же нас и прости и безверье развей.
О Боже, не дай запереть эти двери снаружи!
Иначе — ты будешь ли всех нас, неправых, правей?

